

ДМИТРИЙ
ЛИПСКЕРОВ

ТУРИСТИЧЕСКИЙ СБОР
В РАЙ

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л61

Художественное оформление серии
Елены Окольциной

Липскеров, Дмитрий Михайлович.

Л61 Туристический сбор в рай / Дмитрий Липскеров. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-100016-5

Жизнь человека похожа на значок Инь-Ян: в каждом белом периоде есть капля черного и наоборот. Известный еще со времен «Вагриуса» прозаик Дмитрий Липскеров в новой книге рассказов и новелл показывает нам галерею человеческих судеб. Здесь и престарелый профессор, влюбившийся в стриптизершу; и бандит из 90-х, по иронии — полный тезка Корнея Ивановича Чуковского; и романтическая девушка Нора, которая покорила Москву, но нашла счастье, вернувшись к себе на Родину в провинцию... Липскеров выступает в необычном для себя амплуа рассказчика реальных историй, каждая из которых расширяется до настоящего романа.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Липскеров Д., текст, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100016-5

СОДЕРЖАНИЕ

Пыль

9

Папа

13

Око за око

20

Незнакомец

25

Оригами

28

Лето

43

Дятел

50

Девушка и стрекоза

52

Ванечка

54

Дидло

59

Мальчик и раввин

70

Негр алеша

79

Такси

88

Тортик

97

Нора

104

Хороший день

119

Ревность

129

Кофейная мышь

137

СОДЕРЖАНИЕ

Дерево

150

Чуковский

157

Однокурсница

174

Хворь

184

Его женщины

205

Борюсик

208

Монета

225

Десерт

241

Блад

256

Куриный бульон

273

Двое

288

Пельмени

298

Туристический сбор в рай

326

ПЫЛЬ

В детстве его на «копейке», так автомобиль называли, возили в деревню с нехитрым названием Костино. Там он с пацанами ловил в речушке щурят и, щурясь на солнце, обедался сваренной прямо на берегу ухой. Собирал грибы и ягоды, помогал деревенским бабкам копнить сено, завел полную шевелюру вшей, которых потом выводили керосином, укутав голову для паровой бани женским платком. Здесь же, в Костино, случились у него и первые отношения с местной девочкой Тасей. Они ночевали на сеновале и слушали материнский радиоприемник, а он пытался целовать ее малиновые губы и проникнуть тонкими пальцами под ватник, отчаянно желая нащупать юную грудь...

Днями он с пацанами играли в карты в старом колхозном амбаре, от которого остались только стены и крыша, а пол был разобран до самой земли. Те, кто проигрывал, впрягались в проржавелый тяжеленный плуг и должны были пропахать борозду от стены до стены... Он любил сидеть с местными на завалинке и слушать охальные, до красных ушей, частушки, пить самодельный квас и тайком курить сигареты «Прима». Луна к вечеру всегда была ог-

ромной, с полей поднимался прозрачный туман, а спать не давали тщеславные соловьи.

А наутро солнечным светом залило весь мир. И уже птичий гомон вокруг невыносимый, и он под него рубает яичницу с огородной картошкой, вливается в огромный помидор, лопающийся и истекающий соком.

Это было счастье.

Повзрослев, он уже сам добирался до Костино: сначала до города Владимира переполненной электричкой, затем на автобусе до городка Судогда, а от него на попутке к почтовому отделению «Бег». Здесь асфальт кончался, и пять километров нужно было идти деревенскими дорогами до своей избы — если только кто-то дружелюбный не ехал на телеге в ту же сторону и не прихватывал пешехода в попутчики. Только лошадь была недовольна лишним седоком и храпела от жары.

Обычно приходилось идти пешком. Если был жаркий день, он снимал обувь, связывал ее за шнурки, перебрасывал через плечо к дорожной сумке и отправлялся в путь.

Те, кто считает, что деревенские дороги — сплошная вековая грязь, правы только отчасти. Осенью и весной дороги размывает дождями, получается такая черная густая хлябь, что ни пройти, ни проехать. Зато в летние жаркие дни все это черноземье иссыхает и светлеет под могучими лучами

июльского светила, пока не превращается окончательно в белую пыль. Мелкая, будто аптекарская взвесь, почти зубной порошок, она манила к себе исходящим теплом, и тогда он, закатав до колен штанины, ступал в нее босыми ногами, будто в теплую воду, и шел по ней, улыбаясь миру.

Можно было остановиться и прислушаться к стрекоту кузнечиков, к полевым птицам, охраняющим свои гнезда, затем поймать самого большого кузнеца и, приставив к его головке палец, смотреть, как из крохотного рта насекомого выливается коричнево-пурпурная капля. Кузнечик спрыгивал с ладони в пыль, и он шел дальше.

Иногда кто-то куда-то торопился на лошади, и тогда пыль взметалась до самых небес, кружилась молекулами по всему миру, а потом оседала на волосы, плечи, джинсы... Один раз он видел ящерицу. Сначала она бежала по крепкой обочине, но, увидев чужого спрыгнула в нагретую зноем пыль и будто поплыла по ней как по реке. Он словно мальчишка погнался за ней, поскользнулся и проехался по пыли всей физиономией. Встал на ноги, держа в руке извивающийся хвост ящерицы... Где-то за лесом пели бабы, тархтел трактор, пахло цветочным медом, густыми басами жужжали шмели.

Это было счастье.

По каким-то обстоятельствам, строя семейную жизнь и работая после института, он лет десять не

приезжал в Костино, а когда в его душе случился раздрай, вдруг вспомнил о деревне, даже запах ее живительный учуял.

В субботнее жаркое утро он под свист электрички несся туда, где ему всегда было хорошо. Всю дорогу он представлял себе, как разуетя, как закатает брючины и погрузит ступни в теплую пудру драгоценной пыли. Всю дорогу до Судогды он почти трясся от предвкушения. Доезжая на «зилке» к окончанию цивилизации, мужчина даже поднялся в кузове во весь рост, чтобы из-за последнего поворота увидеть всю широту своего мира...

За время, которое он отсутствовал, дорогу до деревни Костино заасфальтировали, и шофер мигом доставил его в родные пенаты. Он был бледен, как пыль в его прошлой жизни.

Единственное место в мире, тысячами не тронутое цивилизацией, единственное, не нуждающееся в асфальтовой дороге, было изуродовано этой черной извилиной битума, ведущей к последней живой старухе в деревне.

Он вспомнил, что древние берберы поклонялись пыли, затем вызвал Яндекс-такси и уехал из прошлого навсегда.

ПАПА

Он любил ездить в пионерские лагеря. Просто у него, как и у большинства советских детей, не было альтернативы. Только один раз его отправили в Евпаторию к какой-то родственнице Раисе в городскую квартиру. На море съездили два раза, иногда ели клюквенное мороженое. Вот и все, что вспоминалось из той поездки. Правда, лучше всего в памяти отпечталось, что в квартире Раисы не закрывалась дверь в туалет. Имеется в виду на щекотку — она просто отсутствовала. Он, семилетний, справлял свои нужды под страхом, что одинокая Раиса за чем-то войдет...

Потом его пару раз отправляли в Абхазию, в Агудзеры, где он пробыл по три смены в каждый год. Ему полюбился этот лагерь, так как свободы в нем было больше, чем у Раисы, а купались дважды в день, там он первый раз влюбился в девочку Свету, которая в тени громадного эвкалипта предложила показать друг другу свои «глупости». Он показал, а она нет — просто убежала, заливаясь смехом, а он в свои девять еще не понимал, что это предательство.

Он слегка подрос и по дружбе записался в духовой оркестр в Дом пионеров. Ему дали попро-

бовать на трубе, затем на теноре, а потом, за неимением слуха, сослали на медный альт, функцией которого было производить из-за такта звуки типа «ум-ца-ца, ум-ца-ца». Зато друг оказался одаренным и через несколько месяцев играл на тромбоне различные соло.

Управлял домпионеровским оркестром Вадим Вадимович, добрейшей души человек, лет пятидесяти, который почему-то носил прическу, как у Гитлера, а окурки называл «охнариками», а не как все «бычками». В то время у всех подростков был популярен такой стишок: «Покурил — оставь бычок, не бросай его в толчок, положи на унитаз, мы покурим еще раз». В том поколении детей все курили с десяти лет, даже трубачи-корнетисты, которым дышалка нужна была, как у лошади.

Он ненавидел альт, да и весь оркестр, как человек, у которого нет даже малой способности к музицированию, но Вадим Вадимович Гитлер его не отчислял, так как в оркестре был вечный недобор, за который скашивали премии, а подросток не уходил из-за пионерского лагеря «Березка», куда духовой коллектив приглашали на все лето — полное обеспечение плюс пять рублей зарплаты за тридцатидневную смену, ну и конечно свободный график. Обычные лагерные плелись после обеда на тихий час, а они, музбанда, обожравшиеся котлетами и макаронами, бежали на Оку купаться. Ока

по большей части река мелкая, но с омутами. Один такой они знали и, раздевшись догола, без устали прыгали в него с песчаного холма. А неподалеку на мели застряла баржа с рыжим матросом и усатым капитаном, у которого были две дочери-подростки. Девчонки в послеобеденное время ставили на носу баржи стульчики и с умилением смотрели на голую мальчишескую ватагу. Конечно, пацаны делали им непристойные жесты, даже те, которые еще сами не вышли из детства, подражали более взрослым, но девчонки не поддавались и продолжали сидеть на стульчиках, как в театре. У пацанов теплилась надежда, что наступит тот день, когда эти милые незнакомые создания потеряют голову и, раздевшись донага, попрыгают с баржи в прохладную Оку и будут плавать вместе с ними.

Но случился тот день, когда баржу ранним утром сдернули с мели и утащили куда-то в порт. После обеда, не обнаружив баржи на привычном месте, многие приуныли, грустно было даже самым маленьким...

Обязанностями оркестрантов в лагере было музыкальное сопровождение всех мероприятий пионеров. Игра на утренней линейке, на вечерней, в день Нептуна и на лагерных спортивных соревнованиях. Были особенные случаи — например, оркестр музицировал, сопровождая чью-нибудь драку. Играли бравурные марши, пока кто-то не